

П.С. Гуревич

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.8.12502

КАК РАСКРЫТЬ ТАЙНЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ?

Аннотация. Социальная иллюзия сопровождает всю историю человеческого общества. Это не удивительно, поскольку общественная практика людей направляется не инстинктом, закрепленной биологической программой. Человечество осваивает разные формы социальности методом проб и ошибок. При этом в размышлениях о счастье людей оно постоянно увязает в грозных утопиях и насильственных режимах. Не зря английский философ Карл Поппер отметил, что путь к идеалу лежит через колючую проволоку. Между тем мы видим, что одна социальная иллюзия другой социальной иллюзии рознь. Есть грёзы, которые вызывают общественное воодушевление, духовные порывы, гуманистические надежды. Но есть и такие социальные помышления, которые обладают огромной деструктивной силой, сулят рабство и гибель. Вероятно, позитивная функция социальных иллюзий в том и состоит, чтобы предостеречь людей от повторных исторических кошмаров и ошибок.

Автор опирается в основном на методы социальной философии. Вместе с тем используются возможности философско-антропологического постижения человека. Автор руководствуется также принципом исторического анализа.

Новизна статьи заключается в утверждении, что полностью овладеть тайнами общественной динамики невозможно. Формы социальной жизни людей постоянно преобразуются. Познание открывает новые горизонты существования человека. Попытка подчинить историю универсальным законам, будто бы открытым учёными, получила в социальной философии резкую критику.

Ключевые слова: философия, история, социальная философия, социальные иллюзии, общество, общественная динамика, историцизм, человек, утопическое сознание, человеческое существование.

Во многом спонтанная жизнь людей не улавливается жёсткими законами мышления. Любопытно, что немецкий социолог Карл Манхейм в своем капитальном исследовании «Идеология и утопия»¹ ставит вопрос лишь об обогащении социологии познания, о более адекватном процессе самого размышления об общественной динамике. О том, чтобы преодолеть утопизм, найти более эффективные источники обновленного историцизма, нет и речи в этом труде.

Манхейм пытается показать, как изменились формы утопического сознания в нашу эпоху. Он, в частности, указывает, что угнетённые слои населения начинают играть значительную роль в динамическом становлении всего исторического процесса. Не идеи, считал Манхейм, заставляют людей совершать революционные действия. Он обратил

внимание на феномен экстатически-оргастической энергии, которая приводит к социальным взрывам. Хилиазм, т.е. мечта о счастливом будущем, в современную эпоху, как это ни парадоксально, вообще не сливается с какой-либо конкретной идеологией. Она лишена статуса строгой социальной теории. Для абсолютного переживания хилиаста настоящее, та жизнь, в которую он погружён, оказывается брешью, через которую внутреннее чувство, присущее массам, прорывается во внешний мир и внезапно одним ударом преобразует личную реальность.

Эта экспертиза К. Манхейма весьма поучительна. По первому впечатлению, все современные взрывы вызваны осознанием непреложности интересов того или иного народа. Люди хотят более комфортной, потребительски обеспеченной жизни. Но они склонны не учитывать реального положения вещей, иллюзорности, необеспеченности своих притязаний. В этом случае народы начинают

¹ Манхейм К. Идеология и утопия / Предисл. П.С. Гуревича. Ч. 1–2. М.: ИНИОН, 1992.

испытывать особый экстаз, некую взвинченность душевных состояний. Хилиасту нужна некая точка, откуда он готов в любую минуту совершить прыжок. Так рождается неприкрытая ярость масс и их неодолимое буйство. Бунт, революция, танцы на майдане оказываются не столько средством для достижения поставленной цели, например, добиться мечты властей Украины о включении этой страны в европейский мир. Всякое буйство оценивается как давно грезившийся прорыв в мир. Оно сознательно отрывается от пространства и времени, от реальных, оправданных ориентиров. Так, Манхейм оценивает хилиастический вариант социальных иллюзий.

Однако, есть ещё и либерально-гуманистический вариант. «Дурной» реальности она противопоставляет «правильный» рациональный образ. Хилиаст разрывает связи с повседневным и историческим бытием. Стихия либерала — не деструкция, а критика. Он не склонен сжигать за собою мосты. Он хочет улучшить мир. Возьмём в качестве примера «Город Солнца» Т. Кампанеллы². О чём это произведение? О том, как гармонизировать частные и общественные интересы в обществе. Главная проблема, которая интересует Кампанеллу, — это соотношение частных и общих интересов в обществе. Другими словами, что важнее, — благополучие и спокойствие каждого члена общества в отдельности или всё-таки приоритетным оказывается благоденствие всего общества в целом? Государство известного утописта Томаса Кампанеллы образовано не по принципу правления одних над другими, а согласно человеческому разуму, который исключает принуждение и насилие, поэтому в нём не бывает внутренних смут и раздоров. Самое главное то, что в этом государстве его жителям нечего делить между собой, потому что в нём отсутствует частная собственность. Как считал Кампанелла, себялюбие — есть корень всех главных человеческих зол, а этот порок чаще всего проявляется в накоплении собственности. Исключив частную собственность, мы победим эгоизм, утверждал итальянский мечтатель.

О том, какими неожиданными гримасами оборачивается «правильный», рациональный образ мысли, свидетельствует роман Дж. Оруэлла

«1884»³. Писатель считал фундаментом нашей эпохи два открытия: производство оружия массового уничтожения и создание науки об управлении сознанием. Феномен «сверхтоталитаризма», явленный в этом романе, страшен и одновременно обладает поразительной притягательностью. Жизнь в этом обществе не сводится к техническим характеристикам. Она имеет претензию на особую духовность. В основе этой идеологии лежит убеждение в неискоренимой порочности человеческой природы. Человек жесток по определению, его одолевают пароксизмы гнева, злобы, зависти. И эти страсти представляют реальную угрозу для общества. Поэтому нужна властная рука, неиссякаемая мощь диктатора и насилия. Смысл иллюзии — абсолютный отказ от идеологии братства, равенства и свободы. Англо-соц, описанный в романе, не имеет прецедента. Его нельзя отождествить ни с автократиями древности, ни с тираниями средневековья, ни с тоталитарными режимами минувшего века. Это сверхтоталитарная система. Она не только не прикрывает деспотизм идеологией братства, равенства и свободы, но и утверждает этот деспотизм в открытом и откровенном терроре. В то же время она отменяет самые утопические принципы. Смысл данной утопии — в ликвидации всякой утопии.

В этом романе раскрыт обманчивый принцип всякой идеологии. До того, как эта концепция была сформулирована видными западными социологами, Оруэлл показал, что всякое свободное движение к мысли есть преступление. Вместо идеологии в романе фигурирует инстинктология. От члена партии требуется немного — правильные инстинкты. Действия, наказуемые пытками и смертью, не запрещены законами — в Океании нет законов. Есть лишь физиологические запреты. Такими действиями могут быть взгляд, улыбка, вдох, вскрик или шёпот во сне. Увиденные через телескрин или с гелиокоптера, они фиксируются Полицией мысли. «Правомыслящий» автоматически в любой ситуации делает правильное движение. Оно подсказывается ему с детства воспитанными инстинктами. Инстинктология — это финал идеологии, торжество идеологии.

Едва ли не вся современная политическая практика основана на двойных стандартах. Эту ме-

² Кампанелла Т. Город Солнца / Пер. с лат. и коммент. Ф.А. Петровского; Пер. приложений М.Л. Абрамсон [и др.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954.

³ Оруэлл Дж. 1984. Скотный Двор / Пер. с англ. В. Голышева, Л. Беспаловой. М.: АСТ, 2012.

ханику хорошо вскрывает новояз Океании. В Министерстве Истины по мере конъюнктурных изменений в реальности вчерашний день полностью подгоняется под злобу сегодняшнего: цифры, факты, имена, лозунги, события — всё. Переписываются газеты, журналы, книги. Это важнейшее условие выживания сверхтоталитаризма. Оно, во-первых, обеспечивает «единство» и, следовательно, непогрешимость вождей, во-вторых, лишает возможности сравнивать настоящее с прошлым тех, кто на первой стадии не отучился от логических операций аналогии и сравнения, тех, чей «автостоп» даёт сбой. Благодаря переписыванию, наличная действительность всегда воспринимается как правильная и лучшая.

«Двоемыслие» — это и есть политика двойных стандартов. Сегодня не составит труда бандита объявить патриотом, а патриота — террористом. Цель двоемыслия — перепутать все разумные критерии и полностью подчинить ситуацию своекорыстным интересам. Двоемыслие лежит в самом сердце Ангсоца, поскольку главная задача партии — использовать уловку сознания, в то же время сохраняя твёрдость цели и полную честность. Двоемыслие позволяет остановить ход истории. Ведь прошлые олигархии пали — либо потому, что они были слишком тупы и невежественны, чтобы увидеть свои ошибки и приспособиться к изменениям, либо потому, чтобы были слишком либеральны и терпимы и признавали открыто свои ошибки. Иначе говоря, они пали равно как от своей сознательности, так и от своей несознательности. Политики знают, что война ведётся условно и победа в ней невозможна, сильнее всего жаждут военных побед. Это сочетание цинизма и фанатизма создаёт привычку к лицемерию и там, где в двоемыслии нет никакой необходимости. Иррациональное бесстыдство перевертыша запечатлено в названиях исполнительных органов власти в Океании: Министерство Мира, организующее войну; Министерство Истины, фальсифицирующее информацию; Министерство Любви, ведающее репрессиями, пытками и казнями, и Министерство Изобилия, производящее искусственный голод.

Одно из неоспоримых свойств социальной иллюзии — способность замещать реальность. Общественная грёза прежде считалась отвлечением от действительности. Сегодня она сама претендует на подлинность. Вот, допустим, установка, взятая из романа Дж. Оруэлла: «Невежество — это

сила». Казалось бы, она противоречит историческому опыту, классическим философским трудам. Однако в наши дни эта установка, проводимая российскими чиновниками, вот уже несколько лет реализуется весьма успешно. Вот очевидный парадокс — разрушить образование и науку под лозунгом их укрепления и процветания. Двоемыслие, вообще говоря, верный путь к безмыслию. Но мы в наши дни убежденно называем «менеджерами новой формации» чиновников, которые вообще не способны руководить. Они умеют только обеспечивать распил денег. Разве это не обозначение новояза? Эффективный менеджер — то есть хапуга и обманщик.

Применительно же к человеческой реальности можно поставить вопрос, который постоянно обсуждается социальными философами. Что важнее для людей — сам социум или интересы отдельного человека? Давно уже укрепилась мысль, что общество обладает универсальной ценностью, более значимой, чем человек. Если исчезнет социум, погибнет сам человек. Опасно, следовательно, исходить из приоритета или интересов индивида. Это, как показывает исторический опыт, приводит к хаосу, власти толпы, охлократии. Следовательно, важно придумать такой идеал социального устройства, при котором учитывались бы интересы людей, а заодно и их страсти, но существовал бы разумный порядок. «Божественный» Платон, к примеру, более всего остерегался политических смут, духовных волнений. Он мечтал о стабильном и справедливом общественном строе⁴.

Большая часть социальных иллюзий, накопленных человечеством, касалась идеального социального устройства. Сторонники другой, условно говоря, гуманистической парадигмы, критиковали тиранические социумы, сатирически изобличали их порядки. Однако о том, как реализовать человеческий потенциал, фантазий было гораздо меньше. Пожалуй, только в прошлом столетии в работах Николая Бердяева была четко обозначена мысль о том, что личность важнее социума, что именно личности, зачастую неприметным, окольным путем своей креативной мощью выстраивают историю⁵.

⁴ См.: Платон. Государство / Пер. с древнегреч., введ. и коммент. В.Н. Карпова. Изд. 4-е. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2012.

⁵ Бердяев Н.А. Смысл творчества: опыт оправдания человека. М.: АСТ: Астрель, 2011.

Связь между обществом и личностью чаще всего бывает парадоксальной. Нарастание социальной мощи реализуется как раз за счет измельчания, обесценивания личности. Возмужание личности в свою очередь несет опасность обществу, социальной организации, ослабляет ее. Французский философ Жан Бодрийяр показал, что два столетия усиленной социализации человека обернулись неудачей. Мы становимся очевидцами и участниками феномена, который демонстрирует «истощение и вырождение социальности». Официальная история, считает французский философ, регистрирует лишь одну сторону дела — прогресс социального, оставляя в тени всё то, что, будучи для неё пережитками предшествующих культур, остатками варварства, не содействует этому славному движению. Она подводит к мысли, что на сегодняшний день социальное победило полностью и окончательно, что оно принято всеми. В этом тем не менее источник взрывных тектонических тенденций⁶.

Сегодня много говорят и пишут о том, что общество существует не потому, что есть люди. А людей соответственно нельзя рассматривать как строительный материал для социальной организации. Справедливо также утверждение, что общество, даже если оно опирается на демократические механизмы, обладает огромной принудительной мощью, которая обедняет личности, оскопляет гуманистический потенциал и в конечном итоге подрывает сам социум. Социальные мыслители прошлого считали, что сила общества прирастает мощью составляющих ее личностей. Однако реальная картина оказалась сложнее. Закон общества — усреднение, выравнивание. Личность превышает возможности социума. Поэтому гасится, нейтрализуется огромный неиспользованный потенциал. Личность «хаотизирует» общество. Общество в свою очередь призывает индивидов к банальному ранжиру. Оно по определению не может подстраиваться под личностей. Вот почему государство зачастую мыслится именно как Левиафан. Законотворческая деятельность нашей Государственной Думы может явиться ярким примером вторжения власти во все сферы жизни людей, в том числе и те, которые не поддаются регуляризации.

⁶ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / Пер. с франц. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000; Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2010.

Почему же в таком случае «идеальное государство» Платона оказалось грозной социальной иллюзией? Ведь власть в нём, по замыслу античного мыслителя, должна принадлежать философам. Чем обусловлен данный выбор? Любомудры не поддаются иллюзиям. Они не оказываются заложниками множества частных процессов. Философы ждут, когда утихнут страсти, чтобы проникнуть в суть происходящего. Мыслитель — это созерцатель, который хочет узреть истинную красоту жизни, поскольку он способен выйти из пещеры на свет. Общество будет стабильным, если каждый гражданин станет носителем определенной социальной функции. Каждый разряд граждан отвечает за определенные формы жизни⁷.

Платон не на одну минуту не мог представить, что если бы философы оказались у власти, это обернулось бы интеллектуальной диктатурой. Речь, пожалуй, идет не об идеализации философов, а о принудительной общественной мысли. Платон уже и сам прекрасно понимал всю трагичность своей кровавой утопии. Это, впрочем, мысль Алексея Фёдоровича Лосева.

Окончательное овладение тайнами общественной динамики невозможно. Марксу казалось, что он раскрыл секреты экономической жизни общества. Но он вряд ли мог предвидеть, что изменятся сами формы хозяйственной практики, социальные условия жизни. История разворачивает неожиданные аспекты коллективного бытия людей. Люди обладают свободой, они сами творят общественные условия. Этим и отличается человеческое общество от деятельности, например, термитов. Те все-таки следуют зову инстинкта, усложняя способы приспособления к реальности. Хотя в человеческой истории действуют определённые, раскрытые учёными, закономерности, никакой фатальности эти правила не несут. Информационное общество живёт по иным заветам, нежели индустриальный социум. Социальная философия — своеобразный паноптикум социальных иллюзий. Но другим способом выстраивать историю люди не располагают. Познание открывает новые горизонты существования человека.

⁷ См.: Платон. Государство / Пер. с древнегреч., введ. и коммент. В.Н. Карпова. Изд. 4-е. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2012.

Список литературы:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001.
2. Асп Э. Введение в социологию. СПб.: Алетейя, 1998.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества: опыт оправдания человека. М.: АСТ: Астрель, 2011.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / Пер. с франц. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000.
5. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Пер. с франц. М.: Добросвет, 2010.
6. Бодрийяр Ж., Ясперс К. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2014.
7. Гуревич П.С. Атомизация общества как новый феномен // Вестник аналитики. 2008. № 4. С. 161–172.
8. Кампанелла Т. Город Солнца / Пер. с лат. и коммент. Ф.А. Петровского; Пер. приложений М.Л. Абрамсон [и др.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954.
9. Козловски П. Общество и государство. Неизбежный дуализм. М.: Республика, 1998.
10. Кутырёв В.А. Человеческое и иное. Борьба миров. СПб.: Алетейя, 2009.
11. Манхейм К. Идеология и утопия / Предисл. П.С. Гуревича. Ч. 1–2. М.: ИНИОН, 1992.
12. Оруэлл Дж. 1984. Скотный Двор / Пер. с англ. В. Голышева, Л. Беспаловой. М.: АСТ, 2012.
13. Платон. Государство / Пер. с древнегреч., введ. и коммент. В.Н. Карпова. Изд. 4-е. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2012.

References (transliteration):

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma. M.: Kanon-Press-Ts: Kuchkovo pole, 2001.
2. Asp E. Vvedenie v sotsiologiyu. SPb.: Aleteiya, 1998.
3. Berdyayev N.A. Smysl tvorchestva: opyt opravdaniya cheloveka. M.: AST: Astrel', 2011.
4. Bodriiyar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konets sotsial'nogo / Per. s frants. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2000.
5. Bodriiyar Zh. Prozhachnost' zla / Per. s frants. M.: Dobrosvet, 2010.
6. Bodriiyar Zh., Yaspers K. Prizrak tolpy. M.: Algoritm, 2014.
7. Gurevich P.S. Atomizatsiya obshchestva kak novyi fenomen // Vestnik analitiki. 2008. № 4. S. 161–172.
8. Kampanella T. Gorod Solntsa / Per. s lat. i komment. F.A. Petrovskogo; Per. prilozhenii M.L. Abramson [i dr.]. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1954.
9. Kozlovski P. Obshchestvo i gosudarstvo. Neizbeznyi dualizm. M.: Respublika, 1998.
10. Kutyrev V.A. Chelovecheskoe i inoe. Bor'ba mirov. SPb.: Aleteiya, 2009.
11. Mankheim K. Ideologiya i utopiya / Predisl. P.S. Gurevicha. Ch. 1–2. M.: INION, 1992.
12. Oruell Dzh. 1984. Skotnyi Dvor / Per. s angl. V. Golyшева, L. Bespalovoi. M.: AST, 2012.
13. Platon. Gosudarstvo / Per. s drevnegrech., vved. i komment. V.N. Karpova. Izd. 4-e. M.: URSS: LIBROKOM, 2012.